

ЖЕНИТЬБА ОКТАВИАНА НА ЛИВИИ: ВЫГОДЫ ИЛИ РИСКИ?*

О. В. Любимова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
lov800@yandex.ru

Аннотация. В статье отстаивается точка зрения, что брак с Ливией имел для Октавиана лишь негативные политические последствия. Разведясь со Скрибонией, он слишком рано обнаружил враждебные намерения по отношению к Сексту Помпею и не успел подготовиться к новой войне, что привело к его поражению в 38 г. до н. э. Скандал, сопровождавший брак Октавиана с Ливией, должен был скорее оттолкнуть консервативную аристократию, чем привлечь ее, и дал богатый материал для враждебной пропаганды.

Ключевые слова: Октавиан, Ливия, Секст Помпей, римская аристократия, нобилитет, Клавдии, Ливии, италийцы, Марк Ливий Друз, гражданские войны в Риме

OCTAVIAN'S MARRIAGE TO LIVIA: ADVANTAGES OR RISKS?

Olga V. Lyubimova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
lov800@yandex.ru

Abstract. The author argues that the political consequences of Octavian's marriage to Livia were only negative for him. Having divorced Scribonia he displayed his hostile disposition to Sextus Pompey too early and did not have enough time to prepare himself to the new war which led to his defeat in 38 BC. The scandal about Octavian's marriage to Livia must have alienated the conservative aristocracy rather than attract it; the episode gave a lot of material for the hostile propaganda.

Keywords: Octavian, Livia, Sextus Pompeius, Roman aristocracy, nobility, *Claudii*, *Livii*, *Italici*, Marcus Livius Drusus, Roman civil wars

Данные об авторе. Любимова Ольга Владимировна – соискатель на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета.

* Данная статья является расширенной версией доклада на международной научной конференции «В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого» (XIV чтения памяти проф. Н.П. Соколова, ИМОМИ ННГУ, Нижний Новгород, 16–18.10.2014 г.). Я благодарю А.Л. Смышляева за ценные советы и А.Н. Токарева за предоставленную литературу.

Характеризуя политический гений императора Августа, С.Л. Утченко отмечает, что его решения порой выглядели интуитивными, но всегда оборачивались трезвым расчетом и что он не совершил ни одного серьезного промаха на протяжении политической карьеры. «Зато носитель этих качеств вынужден был поплатиться утерей качеств чисто человеческих – политик в нем вытеснил, уничтожил человека; это был уже и не человек, но почти безукоризненный политический механизм, робот»¹. Однако представление о первом римском принце как об идеальном политике, свободном от человеческих чувств и слабостей, не всегда позволяет убедительно объяснить его поступки. Один из таких эпизодов я хотела бы рассмотреть в данной статье – это женитьба Октавиана на Ливии.

Как известно, этот брак сопровождался громким скандалом: для того, чтобы вступить в него, Октавиан развелся со своей второй женой Скрибонией в тот же день, когда она родила ему дочь (Dio Cass. XLVIII. 34. 3), а брак самой Ливии с ее предыдущим мужем Тиберием Нероном был расторгнут прямо во время ее беременности (Tac. Ann. V. 1. 2; Suet. Aug. 62. 2; Claud. 1; Vell. II. 95. 1), причем Октавиан даже запросил коллегия понтификов о том, возможно ли в таких обстоятельствах заключение нового брака (Dio Cass. XLVIII. 44. 1–2). Подобная спешка породила множество насмешек (Suet. Claud. 1; Dio Cass. XLVIII. 44. 3–5), противники Октавиана использовали ее в политической пропаганде (Suet. Aug. 69. 1)², и этот скандал доставлял Августу неудобства даже много лет спустя (Dio Cass. LIV. 16. 5). Античные авторы объясняют поведение Октавиана вспыхнувшей в нем любовью к Ливии (Tac. Ann. V. 1. 2; Suet. Aug. 62. 2; Dio Cass. XLVIII. 34. 3), и современные историки, как правило, не оспаривают данное объяснение³. Однако в исследованиях нередко встречается мнение, что брак с Ливией не только до конца жизни связал Октавиана с любимой женщиной, но и сразу же принес ему немалые политические выгоды.

Можно выделить три основных преимущества, которые, по мнению, современных антиковедов, Октавиан получил от женитьбы на Ливии. Во-первых, как полагает Ж. Каркопино, развод со Скрибонией и брак с Ливией позволили ему разорвать союз с Секстом Помпеем (который был женат на племяннице Скрибонии⁴) и возобновить войну с ним⁵. Во-вторых, как считают М.А. Леви и Р. Сайм, а вслед за ними многие другие исследователи, брак с Ливией, принадлежавшей к знатному роду, позволил Октавиану укрепить связи с республиканским нобилитетом и привлечь на свою сторону многих его представителей – прежде всего, Ливиев и Клавдиев, но также и ряд других⁶. Наконец, в-третьих, В.Н. Парфенов указывает,

¹ Utchenko 1969, 195.

² Ср. Carcopino 1958, 74–75; Scott 1933, 40; Flory 1988, 352–353 о том, что утверждение Антония, будто бы Октавиан увел с пира в спальню некую матрону на глазах ее мужа (Suet. Aug. 69. 1), тоже относится к Ливии.

³ Пожалуй, исключение составляет только К. Кунст (Kunst 2008, 48), которая пишет: «Вряд ли Октавиан был человеком, которого внезапная любовь к беременной женщине могла побудить к каким-то импульсивным поступкам».

⁴ Я следую традиционной точке зрения, согласно которой Скрибония была сестрой Л. Скрибония Либона, консула 34 г. (App. BC. V. 53. 222), однако Дж. Шайд предложил альтернативную реконструкцию, согласно которой она была его дочерью: Scheid 1975, 349–375. Для моих дальнейших рассуждений эта деталь не играет роли.

⁵ Carcopino 1958, 78; такую же связь между разводом Октавиана со Скрибонией и его разрывом с Секстом Помпеем отмечает Дж. Картер (1982, 182).

⁶ Levi 1933, 2, 53–58; Syme 1939, 229, 340, 368, 379; Carter 1970, 141–142, 172; Sirago 1979, 177–181; Carter 1982, 182–183; Flory 1988, 345–346; Pelling 1996, 24; Huntsman 1997, 57–58; Southern 1998, 75; Shotter 1999, 24; Barreth 2002, 21–22; Osgood 2006, 232; Kunst 2008, 44–47; 49; 52–53; 57–58; Kienast 2009, 51.

что Ливия приходилась внучкой М. Ливию Друзу, плебейскому трибуну 91 г. и защитнику интересов италиков, поэтому женитьба на ней помогла Октавиану привлечь на свою сторону симпатии италийского населения⁷.

Насколько мне известно, тезис о выгодности брака с Ливией для Октавиана поставили под сомнение лишь немногие исследователи. П. Валльман и А.Н. Токарев оспаривают только второй аспект из трех названных, оставляя первый и третий без внимания, причем рассматривают данную проблему очень кратко⁸. А. Голдсуорси, не оспаривая аргументы противной стороны, просто констатирует отсутствие явных признаков непосредственной политической выгоды от брака Октавиана с Ливией, но признает при этом важность ее аристократического происхождения и связей в долгосрочной перспективе⁹. В настоящей статье я бы хотела более подробно рассмотреть вопрос о том, действительно ли Октавиан получил политические преимущества от брака с Ливией в первые годы после его заключения.

Начнем с версии Ж. Каркопино о том, что брак с Ливией позволил Октавиану разорвать Мизенский мир и начать войну с Секстом Помпеем. Прежде всего здесь следует заметить, что если Октавиан действительно желал расторгнуть союз с Секстом Помпеем, то в любой момент мог развестись с его родственницей Скрибонией, и при этом ему не было никакой необходимости немедленно заключать новый брак с кем бы то ни было и особенно — с Ливией, замужней и беременной женщиной¹⁰. Однако действительно ли Октавиан был заинтересован в возобновлении войны, когда разводился со Скрибонией?

Прежде чем ответить на этот вопрос, кратко остановимся на хронологии событий. Согласно Диону Кассию, Октавиан женился на Скрибонии в 40 г., так как не решался вступить в войну с Секстом Помпеем и попытался таким образом нормализовать с ним отношения (Dio Cass. XLVIII. 3). Аппиан уточняет, что главным препятствием для ведения войны против Секста Помпея было отсутствие у Октавиана флота (App. BC. V. 53). Этот брак был заключен, видимо, в конце лета 40 г., — между возвращением Октавиана из Галлии, где он принял под командование армию Фуфия Калена (App. BC. V. 51–53), и Брундизийским миром¹¹. Женитьба на Скрибонии, однако, не слишком способствовала примирению Октавиана с Секстом Помпеем, который продолжал продовольственную блокаду Италии и нападал на ее побережье. Лишь в августе 39 г.¹² в Мизене был заключен мир между Октавианом и Антонием, с одной стороны, и Секстом Помпеем, с другой; в соответствии с его условиями, проскрибированные и изгнанники получали право вернуться в Италию (Suet. Tib. 4. 3; Vell. II. 77. 2; App. BC. V. 72). В их числе был Тиберий Нерон со своей женой Ливией и старшим сыном Тиберием; вероятно, они прибыли в Рим в сентябре 39 г.¹³ Вскоре Октавиан тоже вернулся туда из своей поездки в Галлию (App. BC. V. 75) и, вероятно, в конце сентября или начале октября 39 г. он встретил Ливию и влюбился в нее.

Хронология дальнейших событий вызывает серьезные сложности, так как эпиграфические свидетельства противоречат нарративным. В Веруланских фастах

⁷ Parfyonov 1987, 95; 1993, 178, ср. Barreth 2002, 22, где этот аспект тоже подчеркнут.

⁸ Wallmann 1989, 202–203, Anm. 93; Tokarev 2011, 110.

⁹ Goldsworthy 2014, 163, 558, nt. 26, где приводится ссылка только на мнение М. Флори.

¹⁰ Именно так он развелся со своей первой женой Клавдией, падчерицей Антония, в 41 г., когда разгорелась Перузинская война (Suet. Aug. 62.1; Dio Cass. XLVIII. 5. 3), но следующий брак заключил лишь в 40 г. (см. ниже).

¹¹ Holmes 1928, 220; Pelling 1996, 17, ср. ниже, прим. 16.

¹² Carcopino 1958, 70–71; Reynolds 1982, 70–71.

¹³ Barreth 2002, 21.

сообщается, что свадьба Октавиана и Ливии состоялась 17 января 38 г. (Inscr. It. XIII². 22). Согласно Светонию (Claud. 1.1) и Диону Кассию (XLVIII. 44. 1–2), Ливия выходила замуж за Октавиана, будучи беременной от первого мужа, и ее сын Друз родился через три месяца после свадьбы, в связи с чем римские острословы пустили стишок «Везучие родят на третьем месяце». Если так, то Друз должен был появиться на свет в апреле 38 г. Однако, согласно Светонию (Claud. 11.3), Друз родился в тот же самый день, что и Марк Антоний, а в Веруланских фастах дата рождения Антония указана как 14 января. Этой проблеме посвящена обширная исследовательская литература¹⁴; представляется, что наиболее убедительно ее разрешила К. Кунст: по ее мнению, за три месяца до рождения Друза, т. е. в октябре 39 г., был заключен брак Октавиана и Ливии *sine manu*, а через три дня после рождения Друза, 17 января 38 г. состоялась церемония коэмпции, в результате которой Ливия оказалась «под рукой» своего супруга, и именно эта последняя дата была внесена в официальный календарь как праздничная¹⁵.

Таким образом, рождение Юлии¹⁶ и развод Октавиана со Скрибонией (как и развод Нерона с Ливией), видимо, относятся к октябрю 39 г. – т.е. всего через два месяца после заключения Мизенского мира. Некоторые исследователи считают, что Октавиан не стал бы действовать так поспешно, если бы уже не решился на разрыв с Секстом Помпеем¹⁷. Но был ли ему выгоден разрыв именно осенью 39 г.? Был ли молодой Цезарь заинтересован в столь скором нарушении достигнутого соглашения? Он пошел на примирение с Секстом Помпеем неохотно и вынужденно, под давлением народа, который был измучен войной и продовольственной блокадой и возлагал на Октавиана всю ответственность за свои бедствия (App. BC. V. 67–71; Dio Cass. XXXVIII. 31) и, вероятно, действительно не рассматривал этот союз как прочный и долгосрочный. Однако вряд ли ему имело смысл открыто проявлять свою враждебность к Сексту именно осенью, накануне закрытия сезона мореплавания: открытые военные действия в любом случае откладывались до следующей весны. Пока же Октавиану предстояло пережить наступающую зиму, не допустить повторения прошлогоднего голода и бунтов и собрать силы для грядущего противостояния. К тому же Октавиану чрезвычайно важно было убедить общество, не желавшее новой войны, что не он, а Секст Помпей виновен в

¹⁴ См. Flory 1988, 348, nt. 13; Barreth 2002, 313–314, с библиографией.

¹⁵ Kunst 2008, 336–340; ср. ILS. 8393, 17 о коэмпции, которой предшествовал длительный брак *sine manu* и рождение детей.

¹⁶ Ж. Каркопино (1958, 79) полагает, что Юлия не могла родиться ранее ноября-декабря 38 г., так как датирует брак Октавиана со Скрибонией весной 39 г., между Брундизийским и Мизенским миром (1958, 66, nt. 2), однако такая датировка противоречит свидетельствам источников (App. BC. V. 53; Dio Cass. XLVIII. 16. 3), а аргументация Ж. Каркопино не представляется убедительной. Он считает, что на момент заключения Брундизийского мира и брака Антония с Октавией Октавиан, видимо, еще не был женат, однако не приводит никаких источников в поддержку этого тезиса. Кроме того, по его мнению, враждебные действия Секста Помпея против Октавиана в 39–38 гг. были бы невозможны, если бы последний уже женился на Скрибонии. Однако, согласно Аппиану и Диону Кассию, Октавиан с помощью этого брака прежде всего пытался завязать дружбу с Либоном, братом Скрибонии, и уже через него воздействовать на Секста Помпея. Неизвестно, был ли этот брак согласован с самим Секстом (Аппиан говорит лишь о согласии Либона), и тот вполне мог считать, что он ни к чему его не обязывает. Таким образом, представляется, что брак Октавиана со Скрибонией всё же следует датировать летом 40 г., и их дочь вполне могла родиться в октябре 39 г.

¹⁷ Fitzler, Seeck 1918, 308; Hadas 1930, 102; Wallmann 1989, 202–203; Huntsman 1997, 63.

нарушении мира, и он приложил для этого немало усилий (App. BC. V. 77; 80; Dio Cass. XLVIII. 45. 7)¹⁸. Однако развод со Скрибонией стал первым шагом к нарушению Мизенского мира, и совершил его именно Октавиан¹⁹. М. Флори считает, что брак Октавиана со Скрибонией был расторгнут в том числе из-за нового взаимного раздражения между ним и Секстом Помпеем²⁰, однако не уточняется, что именно могло вызвать это раздражение: о враждебных действиях Секста против Италии в сентябре-октябре 39 г. ничего не известно. С другой стороны, мнение М. Хадаса о том, что развод со Скрибонией даже позволяет назвать Октавиана агрессором в войне, представляется некоторым преувеличением²¹.

Однако Секст, очевидно, воспринял развод Октавиана со Скрибонией как недружественный шаг и ответил на него тем же: он предъявил претензии в связи с тем, что провинция Ахайя передается ему с нарушением сроков и за вычетом причитавшихся с нее недоимок (App. BC. V. 77. 326; Dio Cass. XLVIII. 46. 1). Примечательно, что эту провинцию должен был передать Сексту Антоний, однако тот использовал этот вопрос как повод для конфликта с Октавианом: он вновь начал строить корабли, возобновил блокаду и нападения на прибрежные города Италии, а в Риме очень скоро начался голод и возросло народное недовольство, так что народ фактически не получил от Мизенского мира даже временного облегчения (App. BC. V. 77. 328; Dio Cass. XLVIII. 43. 1; 45. 7; 46. 1)²². Октавиан, в свою очередь, предоставил убежище Менодору, который перебежал к нему от Секста Помпея и передал ему Сардинию вместе с флотом и гарнизоном (App. BC. V. 78; Dio Cass. XLVIII. 45. 6–7), и новая война стала неизбежной²³. Первым шагом в этой цепочке событий, которая привела к катастрофической для Октавиана кампании 38 г., стал его развод со Скрибонией²⁴.

¹⁸ Wallmann 1989, 199–202.

¹⁹ Pelling 1996, 24.

²⁰ Flory 1988, 345.

²¹ Hadas 1930, 102. Следует отметить особое мнение К. Кунст, которая считает, что благодаря своему родству со Скрибониями Либонами (о котором см. ниже) Ливия служила связующим звеном между Октавианом и Секстом Помпеем с таким же успехом, как и Скрибония. Однако в своих рассуждениях исследовательница исходит из ошибочной датировки возобновления их вражды – осень 38 г. вместо осени 39 г.: Kunst 2008, 57–58.

²² Светоний (*Aug.* 70) со ссылкой на Антония рассказывает о «пире двенадцати богов», на котором Октавиан изображал Аполлона. Этот пир состоялся в разгар голода, так что римляне потом возмущались, что «боги сожрали весь хлеб» и называли Октавиана «Аполлоном-мучителем». Ряд авторов считает, что здесь подразумевается свадебный пир Октавиана 17 января 38 г., на основании упоминания о «прелюбодеяниях богов» (*nova divorum... adulteria*): Scott 1933, 31; Flory 1988, 353–355; Osgood 2006, 237–238. Картер (1982, 191–192) не связывает этот эпизод с Ливией, но тоже датирует его зимой 39/38 г.

²³ Holmes 1928, 108–109; Levi 1933, 58–60; Gowing 1992, 192–193.

²⁴ Hadas 1930, 102; Flory 1988, 345; Pelling 1996, 24. Веллей Патеркул (II. 79. 2) отмечает, что брак Октавиана с Ливией непосредственно предшествовал возобновлению его вражды с Секстом Помпеем. По мнению М. Флори (1988, 345), это свидетельствует о том, что к моменту брака Октавиан уже планировал войну, хотя из текста Веллея это напрямую не следует. Более того, этот пассаж содержит хронологическую путаницу: если верить Веллею, то Октавиан женился на Ливии накануне кампании 36 г., ведущая роль в которой принадлежала Агриппе. Так или иначе, но если даже осенью 39 г. Октавиан уже планировал войну с Секстом, это еще не означает, что ему выгодно было обнаруживать свои планы. Вальман считает, что Октавиан развелся со Скрибонией примерно тогда же, когда на его сторону перешел Менодор: Wallmann 1989, 201–202, однако данное утверждение является лишь приблизительно верным: развод со Скрибонией предшествовал переходу Менодора.

Разумеется, нельзя утверждать, что развод послужил причиной войны — она разразилась бы в любом случае, так как ни Октавиан, ни Секст Помпей не были удовлетворены Мизенским миром (App. BC. V. 77; Dio Cass. XLVIII. 45. 4), — но представляется, что этим разводом Октавиан обнаружил свои враждебные намерения раньше, чем это было ему выгодно. Ему не удалось должным образом подготовиться к боевым действиям, которые начались уже ранней весной 38 г.²⁵, он не смог получить поддержки от Лепида и Антония, причем последний прямо заявил, что не одобряет нарушения Мизенского мира (App. BC. V. 79. 334), и вынужден был в короткие сроки строить триремы, экипажи которых вряд ли успели как следует обучить, и вызывать войска из Галлии и Иллирии (App. BC. V. 79–80; Dio Cass. XLVIII. 2–4). После двух неудачных сражений при Кумах и при Скиллее и страшной бури флот Октавиана был уничтожен, и подготовку к войне пришлось начинать заново в условиях постоянных нападений Секста Помпея, блокады, отсутствия средств и сильного народного недовольства (App. BC. V. 92; Dio XLVIII. 48. 6–49. 1).

Таким образом, представляется, что развод со Скрибонией и женитьба на Ливии слишком ускорили новый разрыв Октавиана с Секстом Помпеем и не позволили младшему Цезарю в полной мере воспользоваться передышкой, которую дал ему Мизенский мир. Результатом стало тяжелое поражение Октавиана и опасный кризис в Италии. Что же Ливия дала Октавиану взамен?

М.А. Леви и Р. Сайм выдвинули концепцию, поддержанную затем многими другими исследователями, о том, что брак с Ливией позволил Октавиану привлечь на свою сторону представителей многих аристократических республиканских родов²⁶. Некоторые исследователи в своих рассуждениях заходят даже дальше: так, Э. Хантсман считает, что в 38 г. Октавиан решился на столь скорый разрыв с Секстом Помпеем, так как теперь благодаря браку с Ливией мог рассчитывать на поддержку республиканской аристократии²⁷, а М. Флори полагает, что Октавиан так спешил жениться на Ливии именно для того, чтобы как можно скорее обеспечить себе поддержку аристократии в преддверии новой войны с Секстом²⁸. Рассмотрим, так ли это.

Прежде всего следует обратить внимание на род Клавдиев, с которым Ливия имела двойные связи — через отца, Марка Ливия Друза Клавдиана, и первого мужа, Тиберия Клавдия Нерона (Suet. Tib. 3.1). В рассматриваемый период времени известен только один взрослый представитель ветви Клавдиев Неронов — тот самый супруг Ливии, и крайне маловероятно, что, отняв у него жену, Октавиан мог завоевать его симпатии. Впрочем, сообщается, что Нерон сам обручил Ливию с младшим Цезарем и играл роль отца на их свадьбе, а впоследствии назначил Октавиана опекуном своих сыновей (Dio Cass. XLVIII. 44. 3 и 5); некоторые ученые делают отсюда вывод, что он не возражал против этого брака и даже, возможно, извлек из него какие-то выгоды²⁹.

²⁵ App. BC. V. 89; ср. Nadas 1938, 110–111.

²⁶ См. прим. 3.

²⁷ Huntsman 1997, 57.

²⁸ Flory 1988, 345–346.

²⁹ См. Kunst 2008, 48–49, где утверждается, что Нерон без колебаний отдал Октавиану жену в обмен на политическое примирение. В. Сираго даже считает, что Нерон по собственной инициативе предложил Октавиану Ливию в обмен на примирение не только с ним самим, но и с республиканской знатью в целом; Ливия же до конца жизни Августа своим влиянием контролировала и обеспечивала выполнение этого соглашения: Sirago 1979, 177–181. Представляется, что согласия Нерона на развод и его участия в бракосочетании бывшей жены совершенно недостаточно для столь далеко идущих выводов. См. также след. прим.

Так, многие исследователи указывают на то, что Нерон находился в ссоре с Секстом Помпеем и был сторонником Антония, а потому был заинтересован в расторжении брака Скрибонии и Октавиана, что ослабляло союз последнего с Секстом³⁰. Однако выше было показано, что от столь скорого нарушения Мизенского мира пострадал скорее сам Октавиан, чем Секст Помпей. Следует также вспомнить о том, почему Нерон не пожелал оставаться на Сицилии: согласно Светонию (Tib. 4. 2–3), он был оскорблен тем, что его не сразу допустили к Сексту Помпею и не признали за ним права на фасции. Представляется, что действия Помпея нанесли чести (*dignitas*) Нерона куда меньший ущерб, чем действия Октавиана, который соблазнил и увел его жену, поставив под сомнение законность происхождения его младшего сына. Странно было бы, если бы Нерон ради мести за меньшее оскорбление добровольно согласился подвергнуться большему. Не менее странным выглядит предположение, что Нерон расстался с женой, потому что это было выгодно его покровителю Антонию: насколько известно, тот не оказал Нерону значительных благодеяний, которые оправдывали бы столь немалую жертву с его стороны. В 41–40 гг. Нерон воевал на стороне Луция Антония, а после падения Перузии самостоятельно продолжил борьбу в Кампании, однако после поражения бежал сперва на Сицилию, к Сексту Помпею и, лишь поссорившись с ним, переехал в Ахайю к Марку Антонию – следовательно, его связи с последним были не такими уж тесными. Ни тогда, ни впоследствии Нерон не получил от Антония ни должностей, ни привилегий и после заключения Мизенского мира не пожелал последовать за ним на Восток и предпочел вернуться в Рим (Suet. Tib. 4).

С другой стороны, как отмечает Б. Левик, отказ от жены, насколько известно, тоже не принес Тиберию Нерону никакого продвижения³¹, и Октавиан тоже не оказывал ему в дальнейшем содействия и покровительства³². Вероятно, Э. Хантсман прав в том, что за счет отказа от жены Нерон рассчитывал добиться милости от Октавиана и обеспечить безопасность собственной семьи³³. В конечном итоге он выиграл лишь несколько спокойных лет жизни в качестве частного лица, зато сама необходимость выбирать между женой и безопасностью должна была лишь укрепить убеждение Нерона (как и других представителей республиканской знати), в том, что в новых условиях сохранение прежней свободы и достоинства уже невозможно. Предположение Э. Хантсмана о том, что из сделки с Октавианом Нерон извлек материальную выгоду³⁴, остается лишь предположением: Нерон не был включен в проскрипционные списки, поэтому должен был получить назад всё свое имущество согласно условиям Мизенского мира (App. BC. V. 72. 306; Dio Cass.

³⁰ Carcopino 1958, 77–78; Levick 1999, 4; Barreth 2002, 25. М. Флори (1988, 347–348) полагает, что Нерон стремился таким образом угодить сразу двоим триумвирам: и Антонию, и Октавиану.

³¹ Levick 1999, 4.

³² Правда, высказывалось предположение, что Нерон мог служить легатом Октавиана в Иллирийской войне, однако оно основано на исправлении текста Аппиана (Illyr. 20.57), где упоминается командир Гиерон (Γέρων): Schweighäuser 1785, III, 2, 674; Münzer 1913, 1515; Broughton 1951, 2, 408. Однако это предположение основано не на разночтении в рукописях, а лишь на том, что человек с таким именем в данное время неизвестен. Однако это мог быть командир вспомогательного отряда или даже вольноотпущенник, подобный Гелену (App. BC. V. 66. 277; Dio Cass. XLVIII. 30. 8), Лицину (Dio Cass. LIV. 21. 2–3) или Менодору (App. BC. V. 80. 337; Suet. Aug. 74).

³³ Huntsman 1997, 59.

³⁴ Huntsman 1997, 64–65.

XLVIII. 36. 4). О получении им от Октавиана каких-то еще денежных средств или недвижимости сведений у нас нет. Что касается возможных расчетов Нерона на то, что от брака Октавиана с Ливией в будущем выиграют его сыновья³⁵, то они могли лишь послужить утешением — и, вероятно, именно с этой целью Нерон в завещании назначил Октавиана опекуном своих детей, — но осенью 39 г. эти надежды были довольно призрачны. Нерон не мог быть уверен ни в том, что Октавиан выйдет победителем из борьбы с Секстом Помпеем, Лепидом и Антонием, ни в том, что к этому времени Ливия останется его женой³⁶, ни в том, что до этого момента доживут их дети³⁷, ни в том, что Октавиан пожелает содействовать их карьере.

Таким образом, вряд ли выгоды от развода с женой перевешивали для Нерона ущерб, нанесенный его достоинству. Октавиан, со своей стороны, видимо, попытался создать впечатление, что Нерон уступает ему жену добровольно, и для этого понадобилось участие последнего в церемонии бракосочетания. После рождения Друза, сына Ливии, Октавиан немедленно отослал его в дом отца, о чем впоследствии упомянул в мемуарах (Dio Cass. XLVIII. 44. 4)³⁸. Однако всё это в первую очередь отвечало интересам самого Октавиана: он пытался выбить из рук своих противников пропагандистское оружие. Впрочем, этой цели ему достичь не удалось: в ряде источников его поведение в этом эпизоде описывается как циничное, распутное и тираническое³⁹. Что касается Нерона, то он, вероятно, счел за лучшее не противиться желаниям могущественного триумвира и внешне его уступка выглядела добровольной, однако вряд ли являлась таковой по сути⁴⁰, и сомнительно, что после развода с Ливией он мог питать к Октавиану какие-то теплые чувства. Сам Октавиан, насколько известно, тоже не пользовался его услугами и, как указывалось выше, не предоставлял ему никаких должностей и не давал поручений. Сыновья Нерона действительно были наследниками патрицианского рода Клавдиев Неронов⁴¹ и впоследствии сыграли важнейшую роль в государстве Августа, а старший из них даже стал его преемником. Однако в 39 г., когда Октавиан принимал решение о браке с Ливией, заранее предвидеть и просчитать пользу от ее сыновей (младший из которых еще даже не родился) было невозможно. Кроме того, сыновья Ливии остались в доме родного отца, и неизвестно было, сколько

³⁵ Huntsman 1997, 60–61, 72.

³⁶ Предыдущие два брака Октавиана с Клавдией и Скрибонией продлились два года и год соответственно.

³⁷ Старшему из них было три года, младший еще даже не родился, и в условиях высокой младенческой и детской смертности строить планы на будущее сыновей было еще очень рано: ср. Cic. *Tusc.* I. 93.

³⁸ См. Blumenthal 1913, 285 о том, что сведения о любовной договоренности между Октавианом и Нероном восходят к автобиографии первого императора.

³⁹ Tac. *Ann.* I. 10; V. 1. 2; XII. 6. 2; Suet. *Cal.* 25; *Aug.* 62. 2; 69. 1. В последнем пассаже, восходящем к Антонию, речь идет о том, что Октавиан с пира увел жену в спальню на глазах ее мужа. О предположении, что речь здесь идет о Ливии, см. выше, прим. 2. Если оно справедливо, то тесные связи Антония с Нероном выглядят еще сомнительнее, так как последний изображен здесь в унижительном положении. Об использовании скандала с Ливией в пропаганде противников Октавиана подробнее см. Flory 1988, 348–355.

⁴⁰ Goldsworthy 2014, 164. Светоний пишет, что Тиберий Нерон уступил жену *petenti Augusto* (*Tib.* 4. 2). Это выражение можно понять и как «по просьбе Августа» (Flory 1988, 346), и как «по требованию Августа» (Suetonius 1964, 78) — такая двусмысленность довольно показательна.

⁴¹ Впрочем, эту ветвь Клавдиев трудно назвать преуспевающей: уже более полутора веков, с 202 г. до н. э., ее представители не достигали консульства.

лет он еще проживет и в каком духе воспитает детей, учитывая нанесенное ему оскорбление. Таким образом, вряд ли можно говорить о союзе Октавиана с Клавдиями Неронами в первые годы после женитьбы на Ливии.

Рассмотрим род Клавдиев Пульхров – к нему, согласно Светонию (Tib. 3), по крови принадлежал отец Ливии, усыновленный в детстве Марком Ливием Друзом, плебейским трибуном 91 г.⁴² Ф. Мюнцер предполагает, что Светоний ошибается и отец Ливии по рождению был Клавдием Нероном, а не Клавдием Пульхром, так как в 207 г. предки Неронов и Друзов были коллегами по консульству, а впоследствии сам Друз Клавдиан выдал свою дочь замуж за Нерона⁴³. Однако эти возражения нельзя считать решающими: для заключения брака родство вовсе не было обязательным условием, а связи времен Ганнибаловой войны вряд ли имели большое политическое значение в начале I в. до н. э. Э. Хантсман указывает также на то, что Ливия, возможно, владела собственностью в Анции, на территории трибы, связанной с Клавдиями Неронами, однако само по себе это не подтверждает ее принадлежность к данному роду; кроме того, дата и обстоятельства приобретения этой собственности неизвестны, и сам Хантсман допускает, что Ливия могла получить ее от первого мужа в возмещение приданого или от младшего сына по завещанию⁴⁴. Хантсман также анализирует политическую позицию Марка Ливия Друза, трибуна 91 г., и приходит к выводу, что хотя об отношении Пульхров к его реформам нет никаких сведений, однако они состояли в родстве с его врагом Л. Марцием Филиппом, что снижает вероятность подобного усыновления⁴⁵. Однако Цицерон (Dom. 84) свидетельствует о том, что Пульхры и Филипп не были политическими союзниками. Таким образом, представляется, что отвергать свидетельство Светония нет оснований⁴⁶.

Остается вопрос о том, кто был отцом Друза Клавдиана (см. табл. 1). Последний родился не позднее 91 г., так как в этом году погиб его приемный отец; с другой стороны, в 50 г. Друз Клавдиан был претором (Cic. Fam. VIII. 14), и если не предполагать, что он занимал магистратуру со значительной задержкой, то появиться на свет он должен был около 93–91 гг. Он мог быть младшим из сыновей Аппия Клавдия, консула 79 г.⁴⁷ (у которого в 90-х годах родилось шесть других детей)⁴⁸, однако в этом случае странно отсутствие в источниках упоминаний о том примечательном факте, что Ливия была племянницей знаменитого трибуна Клодия, консула 54 г. Аппия и скандально известной Клодии. Друз Клавдиан мог быть сыном Гая Клавдия, консула 92 г.⁴⁹, но тогда его и его старшего брата, военного трибуна 87 г. разделяла бы почти 20-летняя разница в возрасте – само по себе это

⁴² О его усыновителе подробнее см. ниже.

⁴³ Münzer 1926, 882. Ему следуют: Ollendorf 1926, 901; Sirago 1979, 176, Huntsman 1997, 22; Huntsman 2009, 129–131.

⁴⁴ Huntsman 1997, 22, 69.

⁴⁵ Huntsman 2009, 131.

⁴⁶ Levick 1999, nt. 2; Barreth 2002, 348, nt. 12. С другой стороны, нельзя согласиться с аргументацией К. Кунст, которая видит указание на союз Пульхров с Ливием Друзом в том, что последний был избран трибуном на выборах, которыми руководил Г. Клавдий Пульхр, консул 92 г.: Kunst 2008, 26. Выборы плебейских трибунов проводили не консулы, а трибуны предыдущего года (Liv. III. 64. 4; App. BC. I. 14).

⁴⁷ Barreth 2002, 348.

⁴⁸ Hillard 1973, с предшествующей библиографией.

⁴⁹ Barreth 2002, 348, nt. 12; Kunst 2008, 26–27; первоначально Ф. Мюнцер тоже считал, что отцом Друза Клавдиана был Гай Клавдий Пульхр, консул 92 г.: Münzer 1899a, 2666.

Табл. 1. Клавдии Пульхры

не исключено, но не слишком вероятно. Наиболее правдоподобной представляется третья гипотеза, согласно которой отцом Друза Клавдиана был Аппий Клавдий, сын консула 92 г., военный трибун 87 г., погибший в 82 г.⁵⁰

Рассмотрим, что представляла собой семья Клавдиев Пульхров на момент брака Октавиана и Ливии. О прочих потомках Гая Клавдия, консула 92 г., нам ничего не известно, но его брат Аппий, консул 79 г., имел много детей и внуков (см. табл. 1).

Прежде всего здесь следует упомянуть, что Октавиан уже был женат на представительнице этого рода — Клавдии, дочери трибуна Клодия и Фульвии, жены Антония. Она приходилась Ливии троюродной теткой. Этот брак был заключен в конце 43 г., при создании второго триумvirата, когда Клавдия едва достигла брачного возраста, и расторгнут в 41 г., после начала Перузинской войны. При разводе Октавиан заявил, что Клавдия осталась девственницей; о ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно (Vell. II. 65. 2; Suet. Aug. 62. 1; Plut. Ant. 20. 1; Dio Cass. XLVI. 56. 3; XLVIII. 5. 3). Если женитьба на представительнице рода Клавдиев действительно обещала Октавиану союз с этим знатным семейством и значительные политические выгоды, то он должен был получить их уже в 43 г. — однако, по-видимому, этот брак послужил лишь для скрепления его союза с Антонием, а о какой-либо помощи Октавиану от самих Клавдиев Пульхров в те годы у нас нет сведений.

В рассматриваемое время наиболее выдающимся представителем этой ветви был троюродный дядя Ливии — Аппий Клавдий Пульхр, сын Гая (претора 56 г.), который в 38 г. занял должность ординарного консула⁵¹. Это назначение исследователи нередко расценивают как признак примирения республиканского нобилитета с Октавианом в результате его брака с Ливией⁵². Однако здесь не учитываются хронологические соображения. Аппий Клавдий занял должность консула 1 января 38 г., но решение о его назначении было принято еще в конце 43 г., при создании триумvirата (App. BC. IV. 2) и подтверждено летом 39 г. в Мизене при заключении мира с Секстом Помпеем (Dio Cass. XLVIII. 35. 2; App. BC. V. 73)⁵³ — когда Октавиан

⁵⁰ Drumann 1964, 141, 157–158.

⁵¹ Broughton 1952, 2, 390.

⁵² Syme, 1939, 29; Carter 1970, 141; Huntsman 1997, 58; Huntsman 2009, 146; Kunst 2008, 49.

⁵³ Reynolds 1982, 69–70.

еще даже не был знаком с Ливией⁵⁴. Скорее всего, кандидатуру Аппия предложил Антоний, имевший с Клавдиями Пульхрами тесные связи через свою жену Фульвию (см. выше): в свое консульство Антоний вернул из изгнания отца Аппия, а тот затем воевал на его стороне под Мутиной (хотя позднее и искал примирения с республиканцами: *Cic. Fam. X. 29; XI. 22*)⁵⁵. Таким образом, вряд ли консул 38 г. был обязан своей должностью Октавиану, хотя вполне возможно, что тот не возражал против его назначения, ибо как раз в это время женился на его двоюродной сестре Клавдии. Развод Октавиана с первой женой в 41 г. и смерть Фульвии в 40 г. должны были ослабить связи Аппия Клавдия с обоими триумвирами, но, скорее всего, в 39 г. он оставался в орбите Антония, так как изначально был к нему ближе. О деятельности Аппия Клавдия на посту консула, как и о какой-либо поддержке, оказанной им Октавиану, сведения отсутствуют. Позитивные тенденции можно усмотреть лишь в том, что он не противодействовал младшему Цезарю – но в предыдущем году другой знатный консул-антонианец, Л. Марций Цензорин⁵⁶, ему тоже ничем не помешал. В 36 г. Аппий Клавдий командует арьергардом флота Октавиана в войне против Секста Помпея (*App. BC. V. 98*) – однако и на этом этапе вряд ли можно уверенно утверждать, что он стал сторонником младшего Цезаря, ибо Антоний, его прежний покровитель, на тот момент находился в союзе с Октавианом и оказывал ему поддержку в войне. Лишь с 34 г., когда Аппий Клавдий был назначен проконсулом Испании⁵⁷, можно твердо говорить о его переходе на сторону Октавиана. Однако к этому времени политическая ситуация существенно изменилась: Октавиан окончательно одержал верх над Секстом Помпеем и Лепидом, своими соперниками на Западе, а поход Антония против Парфии, напротив, окончился неудачей и, поглощенный восточными делами, он все больше терял связь с Италией. В таких условиях выбор Аппия Клавдия вполне объясним и без учета фактора Ливии.

Об остальных представителях рода Клавдиев известно гораздо меньше. Консул 38 г. имел одноименного родного брата, которого усыновил их дядя – Аппий Клавдий Пульхр, консул 54 г. (*Ascon. Mil. 34*)⁵⁸. Он, по-видимому, был проскрибирован в 43 г. и бежал на Сицилию к Сексту Помпею (*App. BC. IV. 44; 51*, ср. выше, прим. 54); о его дальнейшей судьбе сведений почти нет, хотя, возможно, в 25 г. он был еще жив и упоминается как свидетель при записи постановления сената о договоре с Митиленами (*RDGE. 26. Col. c. 10–11*, где назван некий сын Аппия, остальная часть имени которого не сохранилась)⁵⁹. Если речь здесь идет о приемном сыне

⁵⁴ Я следую Ф. Мюнцеру, который считает, что оба упоминания проскрибированного Аппия у Аппиана (*BC. IV. 44 и 51*) относятся к одному лицу – брату консула 38 г., о котором см. ниже: Münzer 1899b, 2668, 2854–2855. Ф. Инар полагает, что проскрибированы были оба Аппия, и будущий консул, и его брат (Hinard 1985, 453–456, ср. Wiseman 1970, 208), однако едва ли проскрипт, прощенный при заключении Мизенского мира в августе 39 г., немедленно на этих же переговорах мог быть назначен ординарным консулом следующего года, – раньше самого Секста Помпея и его тестя Либона. Но даже если Инар прав, назначение Аппия на консульскую должность должно было предшествовать знакомству Октавиана с Ливией.

⁵⁵ Гай Норбан, коллега Аппия по консульству 38 г., видимо, был ставленником Октавиана: ранее при Филиппах он служил его легатом (*App. BC. IV. 130*).

⁵⁶ О Цензорине как стороннике Антония см.: *Plut. Ant. 24.1*.

⁵⁷ Broughton 1951, 2, 412; 416; 419.

⁵⁸ Münzer 1899b, 2853–2854; Münzer 1899b, 2854.

⁵⁹ Münzer 1899b, 2668; Wiseman 1970, 209; Hinard 1985, 455–456.

консула 54 г., то он, видимо, вернулся в Италию после Мизенского мира, вошел в состав сената и вел тихую и незаметную жизнь; нам ничего не известно ни о его службе Октавиану, ни о милостях, которые Октавиан ему оказал.

Публий Клавдий Пульхр, сын знаменитого трибуна и Фульвии, приходился двум Аппиям кузенom, а Клавдии (первой жене Октавиана) – родным братом. Вряд ли он родился ранее 60 г., так как в 52 г. был еще очень маленьким (*Ascon.* 35: *parvulus filius Clodi*), а Антоний и Цицерон в 44 г. называли его мальчиком (*Cic. Att.* XIV. 13a; 13b: *puer*)⁶⁰. Следовательно, в 39 г. ему было около 20 лет. О его жизни в этот период ничего не известно, однако вышеуказанные письма свидетельствуют о том, что он воспитывался в семье Антония и впоследствии, видимо, находился в его окружении. Из надписи мы знаем, что Публий был квестором, председателем суда, претором и авгуром, однако когда именно – сказать невозможно (*ILS.* 882). Р. Сайм допускает, что он занимал эти должности в период триумвирата, когда, например, в 38 г. было 67 преторов, а квестором назначили несовершеннолетнего (*Dio Cass.* XLVIII. 43. 2)⁶¹. Если так, то своей карьерой Публий был обязан скорее своему отчиму и воспитателю Антонию, чем Октавиану, мужу своей троюродной племянницы Ливии. Валерий Максим (III. 5. 3) сообщает, что он был вялым и изнеженным человеком, скандально прославился страстью к некоей проститутке и умер позорной смертью. Таким образом, у нас нет оснований считать, что этот человек обладал особым влиянием в государственных делах и мог в 39–38 г. стать для Октавиана ценным союзником⁶².

О взрослых членах рода Клавдиев Пульхров в 30-х годов больше ничего не известно. Аппий Клавдий, консул 54 г., помимо приемного сына, имел двух дочерей, одна из которых вышла замуж за Гнея Помпея-младшего, а вторая до 45 г. была женой Марка Брута (*Cic. Fam.* III. 4. 2; *Att.* XIII. 9. 2). Однако уже к моменту смерти Цезаря их следы теряются, и ни о них самих, ни об их повторных браках или детях сведений нет. Таким образом, в источниках не обнаруживается никаких подтверждений того, что брак с Ливией в 39 г. принес Октавиану союз с влиятельным родом Пульхров.

Рассмотрим род Ливиев Друзов, в которую отец Ливии вошел через усыновление. Как правило, исследователи предполагают, что усыновителем был Марк Ливий Друз, плебейский трибун 91 г., так как его приемный сын получил от него преномен Марк (*ILS.* 124), а других известных Марков Ливиев в этом поколении не известно⁶³. Э. Хантсман, однако, допускает, что Клавдиана мог усыновить Мамерк Эмилий Лепид Ливиан, консул 77 г. до н. э., который сам по рождению принад-

⁶⁰ Так они называли и 19-летнего Октавиана, однако в письме Антония подчеркивается, что Цицерон заинтересован в расположении Публия, так как его ожидает большое будущее (*in optima spe puer repositus*), и вряд ли в таком послании Антоний стал бы преуменьшать возраст своего пасынка. О его возрасте см. Wiseman 1970, 211; Tatum 60–61.

⁶¹ Syme 1986, 149. Дж. Тэйтум (1999, 61), однако, считает, что Публий стал претором уже после 31 г.

⁶² Т. Уайзмен предполагает, что в 43 г., при создании второго триумвирата Публий Клавдий был обручен с Марцеллой Старшей, племянницей Октавиана, и от этого брака родилась Клавдия Пульхра, упомянутая Тацитом (*Ann.* IV. 52) как кузина Агриппины Старшей: Wiseman 1970, 215–217. Однако Р. Сайм выдвинул против этой гипотезы серьезные возражения и разрешил проблему происхождения Клавдии Пульхры более убедительно: Syme 1986, 146–151.

⁶³ Drumann 1964, 546–547; Münzer 1926, 881–882; Levick 1999, 2; Barreth 2002, 8; Kunst 2008, 25.

лежал к роду Ливиев Друзов и был усыновлен Эмилием Лепидом⁶⁴. Этот вариант нельзя исключать полностью, однако он представляется маловероятным.

Первую проблему создает преномен Клавдиана: он не мог зваться Марком до усыновления, так как патрицианские Клавдии не носили этого имени; следовательно, он должен был получить его от усыновителя; таким образом, Мамерка Лепида первоначально должны были звать Марком Ливием Друзом. Это означает, что он был полным тезкой трибуна 91 г. и, следовательно, приходился ему не родным братом⁶⁵, а кузеном⁶⁶, т. е. сыном слепого юрисконсультанта Гая Ливия Друза (Cic. Brut. 109; Tusc. V. 112; Val. Max. VIII. 7. 4). Это, в свою очередь, требует предположить наличие у слепого Гая Друза еще одного, старшего сына Гая, который должен был получить преномен отца и продолжить его род, после того, как его младший брат был отдан в усыновление Лепидам, однако о таком человеке источники ничего не сообщают.

Вторую проблему создает датировка обоих усыновлений. Мамерк Лепид впервые упоминается в источниках под этим именем в 88 г. (Diod. XXXVII. 2. 10), следовательно, его усыновление должно было состояться раньше. Однако усыновление Друза Клавдиана должно было предшествовать его собственному, а дата претуры Клавдиана указывает на то, что он родился около 93–91 гг. (см. выше). Таким образом, приходится предположить, что в интервал между 93 и 88 гг. уложилось два усыновления: сперва Марк Ливий Друз усыновил Клавдия, а затем сам был усыновлен Марком Эмилием Лепидом⁶⁷. Лепида-усыновителя в таком случае вряд ли можно идентифицировать с консулом 137 или 126 гг.⁶⁸, так как едва ли они дожили бы до столь преклонного возраста, и следует предположить существование еще одного не засвидетельствованного источниками Марка Лепида.

Третья проблема состоит в том, что после усыновления Мамерка в род Лепидов его приемный сын Клавдиан в этот род не перешел. Это может объясняться двумя причинами. Либо Мамерк на момент усыновления не был лицом своего права и находился под властью своего отца Гая Друза (Gai. Inst. I. 107, ср. 99) – однако последний вряд ли дожил до конца 90-х годов, ибо Цицерон не знал его лично⁶⁹. Либо Мамерк был усыновлен Лепидом по завещанию – такое усыновление не влекло за собой всех правовых последствий прижизненного усыновления и сводилось лишь к передаче имени наследнику⁷⁰. Но в этом случае выбор Лепида выглядит весьма странно: он передал свое имя взрослому человеку, который уже имел приемного сына и, видимо, не рассчитывал больше на рождение родных детей – таким образом, уже в следующем поколении имя Лепида было обречено на исчезновение.

Итак, из двух возможных усыновителей Друза Клавдиана более вероятным кандидатом выглядит Марк Ливий Друз, трибун 91 г.; предположение, что это был Мамерк Лепид Ливиан, консул 77 г., создает слишком много сложностей (ср. табл. 2 и табл. 3). Следовательно, в близком родстве с Эмилиями Лепидами Ливия не состояла.

⁶⁴ Huntsman 1997, 20–22.

⁶⁵ Как обычно считается; см., напр., Münzer 1920, 311–312.

⁶⁶ Э. Хантсман (1997, 20–22) указывает, что известны случаи, когда родные братья носили одинаковый преномен, однако не приводит ссылок.

⁶⁷ Необычный преномен усыновленного объясняется тем, что «Мамерк» – это древняя форма имени «Марк»; следовательно, его приемного отца, вероятно звали Марк Эмилий Лепид (Sumner 1974, 64–65).

⁶⁸ Как предлагает сам Хантсман (1997, 20, nt. 79) вслед за Самнером (1974, 64–65).

⁶⁹ Cic. Tusc. V. 112, ср. Münzer 1920, 312.

⁷⁰ Lindsay 2009, 79–86, с предшествующей библиографией.

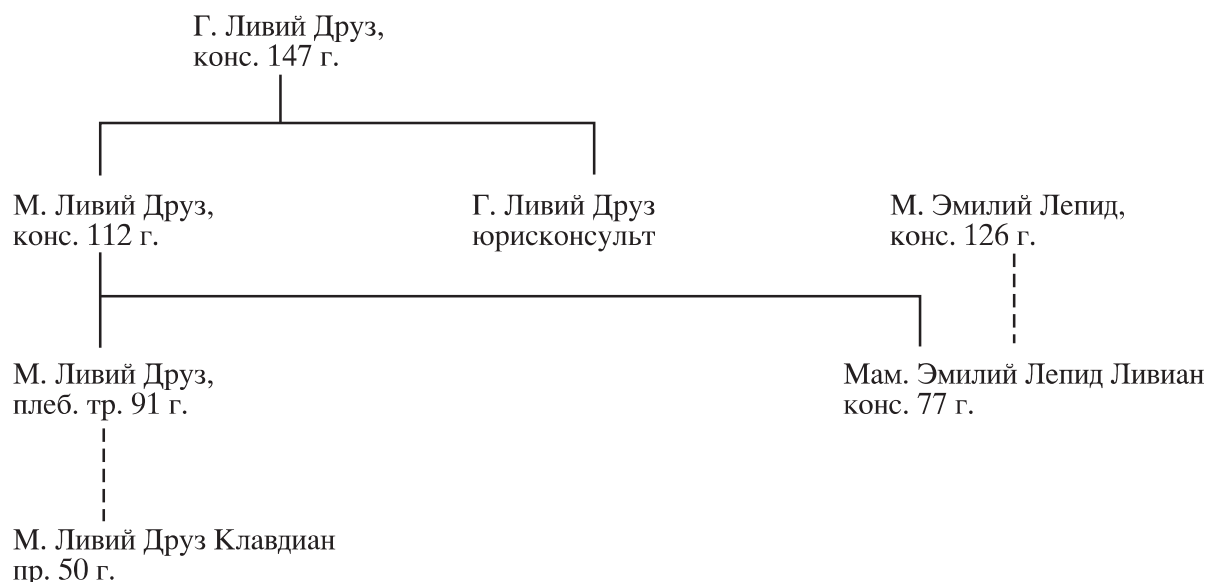

Табл. 2. Клавдиан как приемный сын М. Друза, плебейского трибуна 91 г.

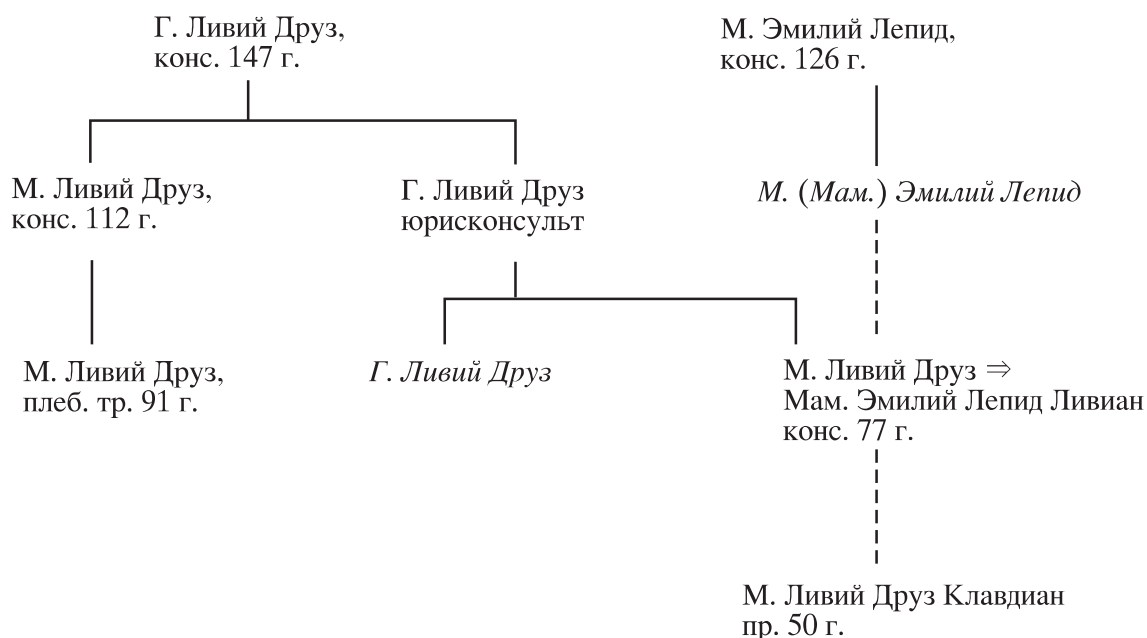

Табл. 3. Клавдиан как приемный сын Мам. Лепида Ливиана, консула 77 г.

Что касается самих Ливиев Друзов, то в предыдущем поколении единственным представителем этого рода был отец Ливии, Марк Ливий Друз Клавдиан. Он покончил с собой после битвы при Филиппах (Vell. II. 71. 2; Dio Cass. XLVIII. 44. 1), а его единственным родным ребенком была сама Ливия. Однако в завещании он усыновил Скрибония Либона, который, вероятно, был сыном Л. Скрибония Либона, тестя Секста Помпея и брата Скрибонии, второй жены Октавиана (см. табл. 4)⁷¹. Усыновленный стал называться Марком Ливием Друзом Либонем и в 15 г. занял должность консула. Поскольку он формально приходился братом жене Августа, а по крови — кузеном его дочери, — вероятно, он стал консулом в свой год, т.е. в возрасте 32 лет, а если и был старше, то ненамного⁷². Следовательно, в 39 г., когда

⁷¹ Weinrib 1968, 250–264; Syme 1986, 257–258.

⁷² Syme 1986, 258 (о консульстве Друза Либона в свой год); Syme 1958, 2, 653–655 (о минимальном возрасте занятия консульства в эпоху Империи).

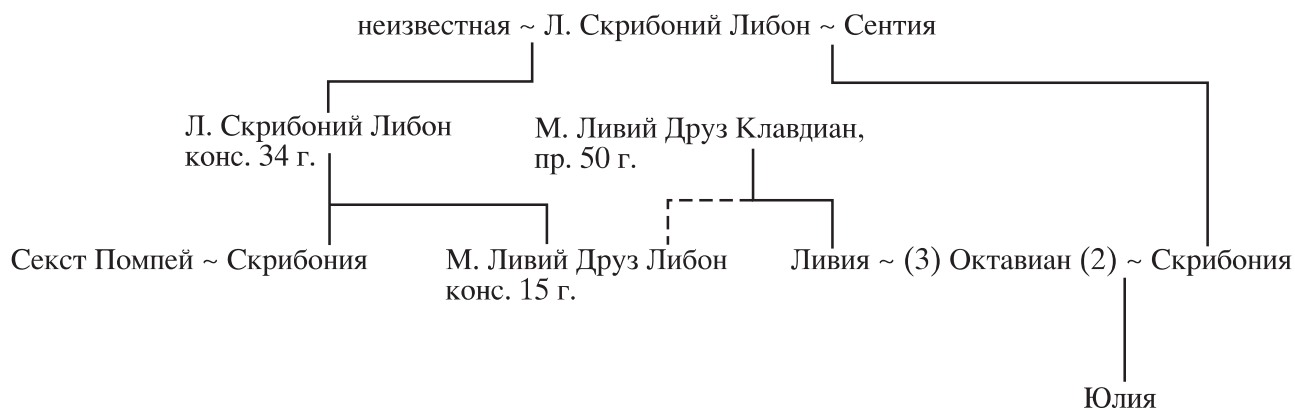

Табл. 4. Ливии Друзы и Скрибонии Либоны

Октавиан женился на сестре Друза Либона, последнему было около 10 лет и, вероятнее всего, он находился на Сицилии вместе с родным отцом.

Л. Скрибоний Либон в 40–39 г. приходился Октавиану шурином и играл важную роль на переговорах, предшествовавших Мизенскому миру (App. BC. V. 69; 71). Согласно достигнутым в Мизене договоренностям, ему было обещано консульство на 34 г. (App. BC. V. 73) Однако и после заключения мира он оставался на Сицилии вместе с Секстом Помпеем и вряд ли мог приветствовать брак Октавиана с Ливией, так как этому союзу предшествовал развод триумвира с его сестрой. Некоторые исследователи предполагают, что взаимоотношения Октавиана с Либомом не были испорчены окончательно, поскольку новая жена молодого Цезаря тоже приходилась Либону родственницей⁷³. Однако это родство было гораздо более дальним, а свидетельства источников не подтверждают данную гипотезу. Когда война между Октавианом и Секстом Помпеем возобновилась, Либон остался на стороне своего зятя, а после его поражений при Милах и Навлохе не предпринял попытки примирения с Октавианом. Он бежал вместе с Секстом на Восток, но, видя безнадежность сопротивления, сдался Антонию (App. BC. V. 139). По всей вероятности, именно в качестве платы за эту измену и благодаря влиянию своего нового покровителя Либон и получил в конце концов обещанное ему консульство на 34 г. После этого о нем нет почти никаких сведений⁷⁴. Таким образом, после развода Октавиана со Скрибонией его контакты с ее братом Либомом полностью либо надолго прерываются, и дальнейшее родство Ливии с последним отнюдь не способствовало возобновлению их сотрудничества. О судьбе Друза Либона, приемного брата Ливии, в эти годы ничего не известно; в силу своего возраста он вряд ли мог играть какую-либо роль в политике, скорее всего, оставался вместе со своим отцом Либомом и вернулся в Рим только в 34 г.

Других знатных родов, которые состояли бы с Ливией в родстве и могли бы перейти на сторону Октавиана после заключения их брака, обнаружить не удастся. В том или ином родстве с ней состояли также Альфиции, Сентии Сатурнины,

⁷³ Huntsman 1997, 60, nt. 39; 2009, 148, nt. 109 (где автор допускает, что Либон мог поддерживать женитьбу Октавиана на своей родственнице Ливии), 154–155. Дж. Картер (1970, 142) даже говорит о присоединении Либона к Октавиану. См. также Kunst 2008, 53, где подчеркивается родство Ливии с Либомом и Секстом Помпеем.

⁷⁴ Возможно, в 21 г. Либон еще был жив и возглавлял коллегия арвальских братьев (CIL. VI. 32338), но Р. Сайм (1986, 46; 258) считает более вероятным, что надпись относится к его сыну.

Волузии Сатурнины⁷⁵, но это были незнатные семьи, недавно вышедшие из итальянских муниципиев. Вероятно, сотрудничество с ними было бы для Октавиана полезно, но вряд ли могло существенно изменить политический расклад, так как подобных семей в его окружении и ранее насчитывалось достаточно много, однако нобилей – крайне мало⁷⁶. Впрочем, мы в любом случае ничего не знаем о деятельности Альфидиев, Сентиев и Волузиев между 39 и 31 гг.

Тем не менее исследователи, усматривающие причинно-следственную связь между браком Октавиана и Ливии и примирением молодого Цезаря с аристократическими родами, указывают на то, что с 38 г. в его окружении появляются такие представители нобилитета, как Л. Марций Филипп (консул-суффект 38 г.), Павел Эмилий Лепид (консул 34 г.) и Марк Валерий Мессала Корвин (консул 31 г.)⁷⁷. Представляется, однако, что политическая позиция всех троих никак не связана с Ливией.

Л. Марций Филипп, как и Ап. Клавдий Пульхр, по всей видимости, являлся консулом-десигнатом еще с 43 г., когда при создании триумvirата были согласованы консульские кандидатуры на пять лет вперед (см. выше). Его почти наверняка выдвинул Октавиан, так как Филипп приходился ему сводным братом (сыном отчима) и при этом был женат на его родной тетке Атии Младшей⁷⁸. Вряд ли есть основания полагать, что брак Октавиана с Ливией как-то повлиял на его взаимоотношения с Филиппом.

Павел Эмилий Лепид, сын Л. Эмилия Павла, консула 50 г., приходился племянником триумвиру Лепиду и в 43 г. был проскрибирован вместе со своим отцом, бежал на Восток к Бруту и Кассию, где командовал флотом и подчинил Крит. О его судьбе между битвой при Филиппах и Мизенским миром точных сведений нет, однако, вероятно, он либо отправился на Сицилию к Сексту Помпею, либо присоединился к Домицию Агенобарбу (Dio Cass. LIV. 2. 1; App. IV. 2). В результате Мизенского мира (т.е. еще до знакомства Октавиана с Ливией) Павел был восстановлен в правах, получил возможность вернуться в Италию и должность консула-суффекта на 34 г. Кто именно из участников переговоров добился для него этой должности – неизвестно, но в 36 г. Павел участвовал в Сицилийской войне на стороне Октавиана (Suet. Aug. 16. 3)⁷⁹. Однако представляется, что после возвращения в Италию присоединение к партии Октавиана было для Павла довольно естественным шагом, обусловленным политикой его отца, который в 43 г., во время Мутинской войны, высказался в сенате за объявление Антония и Лепида врагами государства, за что и был внесен ими в проскрипционные списки (App. BC. IV. 12; ср. Liv. Per. 120; Vell. II. 67; Plut. Ant. 19; Dio Cass. XLVII. 6)⁸⁰. С другой стороны, нельзя исключать, что Павел просто считал Октавиана наиболее перспективным из соперников, сражавшихся за высшую власть. Как бы то ни было, у нас нет никаких причин связывать между собой его решение поддержать Октавиана и брак последнего с Ливией.

⁷⁵ См. Huntsman 2009, 131, nt. 36 (Альфидии); 155–156 (Сентии), 157 (Волузии).

⁷⁶ Syme 1939, 234–237.

⁷⁷ Syme 1939, 229; 237; 368; Carter 1970, 141–142.

⁷⁸ Ovid. *Fast.* VI. 801–809; IGR. III. 939.

⁷⁹ В более поздней работе Р. Сайм указывает, что это еще не дает оснований считать Павла сторонником Октавиана, так как его мог прислать Марк Антоний, оказывавший в этой войне молодому Цезарю помощь (Syme 1986, 108). Но у нас нет сведений о том, что Павел когда-либо поддерживал Антония, и, скорее всего, к 36 г. он действительно примкнул к Октавиану.

⁸⁰ Ср. Syme 1939, 237.

Наконец, М. Валерий Мессала Корвин, воевавший при Филиппах на стороне Брута и Кассия, после их поражения примкнул к Антонию (Plut. Brut. 40–41; 45; App. BC. IV. 38; V. 113)⁸¹ и в 40 г. находился с ним на Востоке (Fl. Ioseph. AI. XIV. 13. 1). Однако в Сицилийской и, возможно, Иллирийской войнах он уже служил под командованием Октавиана⁸², что дает основания предполагать переход на его сторону. Впрочем, Аппиан утверждает, что Корвин примкнул к Октавиану лишь после того, как Антоний окончательно подпал под влияние Клеопатры (App. BC. IV. 38), что указывает на более позднюю датировку. А сам Р. Сайм в более поздней работе, основываясь на контексте, в котором Корвина упоминает Гораций (Sat. I. 10.85–86), предполагает, что он не порывал связей с Антонием и состоял в хороших отношениях с обоими триумвирами примерно до 33 г.⁸³ Как бы то ни было, у нас вновь нет оснований полагать, что политический выбор Мессалы Корвина хоть в какой-то мере был определен женитьбой Октавиана на Ливии, которая, насколько известно, не состояла с Валериями ни в каком родстве.

Таким образом, не удастся установить ни одной знатной семьи, ни одного нобилия, переход которого на сторону Октавиана можно уверенно связать с его женитьбой на Ливии в октябре 39 г. Более того, складывается парадоксальная ситуация: Сайм выдвинул гипотезу о том, что после брака молодого Цезаря с Ливией в 38–36 гг. к нему начинают стекаться нобили, и в качестве примеров привел Аппия Клавдия, Павла Эмилия и Мессалу Корвина⁸⁴. Его точка зрения показалась убедительной многим исследователям. Однако в более поздней работе Сайм высказал мнение, что в действительности эти лица могли оставаться сторонниками Антония до конца 30-х годов и окончательно примкнуть к Октавиану только накануне битвы при Акции⁸⁵. Тем не менее прежняя концепция Сайма продолжает преобладать в историографии.

Рассмотрим теперь более общее утверждение о том, что этот брак каким-то образом склонил симпатии знати в пользу Октавиана⁸⁶. Прежде всего следует согласиться с мнением, которое высказал П. Вальман и поддержал А.Н. Токарев: сами обстоятельства развода и новой женитьбы Октавиана были настолько скандальны, что должны были выглядеть оскорбительно для республиканской аристократии и скорее могли оттолкнуть ее, чем привлечь⁸⁷. После года совместной жизни триум-

⁸¹ У Веллея Патеркула (II. 71. 1) ошибочно сообщается, что в 42 г. Мессала присоединился к Октавиану.

⁸² О Сицилийской войне см. App. BC. V. 102–103, 109–110; об Иллирийской войне см. *Paneg. Messal.* 106–110; Strabo. IV. 191; App. *Illyr.* 17; Dio Cass. XLIX. 38. 3, ср. Syme 1986, 202–205.

⁸³ Syme 1986, 205–207; ср. nt. 36, где автор отказывается от своей прежней точки зрения о том, что к 36 г. Корвин перешел на сторону Октавиана.

⁸⁴ Syme 1939, 229, 237–239, 368.

⁸⁵ Syme 1986, 108, 205–207.

⁸⁶ Levi 1933, 2, 53–58; Flory 1988, 345–346; Carter 1982, 182–183; Southern 1998, 175; Kunst 2008, 44–47, 49, 52–53.

⁸⁷ Wallmann 1989, 202–203, Anm. 93; Tokarev 2011, 110 (см. также Goldsworthy 2014, 163). Эти авторы указывают также на то, что Скрибония тоже происходила из старого и республикански настроенного рода, что признает и Э. Хантмсэн (1997, 58). Но Скрибонии Либоны, в отличие от Ливиев Друзов и Клавдиев Пульхров, были преторским родом и никогда не имели в своем роду консулов; следовательно, по знатности Скрибония всё же уступала Ливии. Скандальный характер этого брака признает и К. Кунст, которая, тем не менее, считает, что он способствовал примирению Октавиана со старой аристократией: Kunst 2008, 52–53.

вир развелся с женой в тот самый день, когда она родила ему дочь, и немедленно заключил новый брак с беременной женщиной, только что получившей развод от мужа. Глядя на эти события, многие римские аристократы, вероятно, могли испытать тревогу за будущее собственных семей и судьбу собственных жен и дочерей, и еще раз ощутить, насколько они бессильны и бесправны перед всемогущим триумвиром. Крайне маловероятно, что нобилитет мог воспринять его действия как шаг навстречу: все понимали, что если бы Октавиан желал примириться с аристократическими родами, то он всегда имел возможность взять в жены знатную незамужнюю девушку (ср. App. BC. V. 53) – однако предпочел замужнюю и беременную, продемонстрировав открытое пренебрежение нравами и обычаями предков. Во враждебной Октавиану пропаганде и историографии этот инцидент получил очень широкое освещение, и его образ в данных сообщениях приобрел черты классического тирана, аморального и невоздержанного, одержимого похотью, похищающего чужих жен и подвергающего осмеянию обычаи и религию⁸⁸.

Тем не менее в течение 30-х годов в окружении Октавиана действительно начинают появляться аристократы – сперва их немного, но постепенно становится всё больше. Представляется, однако, этот процесс имеет совершенно иные причины, никак не связанные с Ливией. Мизенский мир дал возможность вернуться в Рим множеству нобилей, проскрибированных или просто бежавших из страха перед триумвирами. Ранее они стояли вне закона и вынуждены были бороться за свое выживание с оружием в руках либо возлагать надежды на победу Брута и Кассия, Агенобарба или Секста Помпея. Теперь их права были восстановлены, имущество частично или полностью возвращено, и некоторые из них вполне могли задуматься о продолжении политической карьеры при новом режиме. Для тех, кто приехал в Рим, наиболее естественно было обратиться за покровительством к Октавиану, которому гораздо легче было обеспечить им зачисление в сенат, предоставление магистратур и империя, чем Антонию, который находился далеко на Востоке⁸⁹. Молодой Цезарь, со своей стороны, тоже был заинтересован в сотрудничестве с нобилитетом; этим и объясняется участие нескольких видных аристократов в Сицилийской войне на его стороне. Следует отметить, однако, что они появляются не в ходе кампании 38 г., сразу после женитьбы Октавиана на Ливии, а лишь в кампании 36 г. – следовательно, вряд ли М. Флори права, объясняя поспешность Октавиана при заключении этого брака его стремлением как можно скорее извлечь из него политические выгоды накануне планируемой войны с Секстом Помпеем⁹⁰. После 36 г. Октавиан, победивший Секста Помпея и отстранивший от власти Лепиду, остается единственным хозяином Запада; его положение заметно усиливается, соответственно, увеличивается притягательность его партии для всех слоев населения, в том числе и для аристократии. Важную роль здесь сыграли и иллирийские победы Октавиана⁹¹, и изменение тональности его пропаганды⁹², и, наконец, приближение решающего противостояния с Марком Антонием, когда все ключевые участники должны были сделать свой выбор и примкнуть к одной из двух партий⁹³. На фоне всех этих событий брак Октавиана с Ливией выглядит второстепенным и незначительным фактором.

⁸⁸ Подробнее см. выше и Flory 1988, 348–359; Kunst 2008, 49–52.

⁸⁹ Syme 1939, 239.

⁹⁰ Flory 1988, 345–346.

⁹¹ См. Tariverdieva 2012, 148–158, с библиографией.

⁹² См. Tokarev 2011, 118–126, с библиографией.

⁹³ Syme 1939, 239–242; Parfyonov 1987, 94–99.

Наконец, рассмотрим третье предположение о выгоде, которую извлек Октавиан из женитьбы на Ливии – это лояльность италийцев, преданных памяти ее деда Ливия Друза⁹⁴.

Прежде всего следует отметить следующее: несмотря на то что среди потомков Ливии часто встречались имена Друз и Друзилла, что отмечает Э. Барретт⁹⁵, в источниках нет ни одного упоминания о том, что кто-то из них ведет свой род от знаменитого трибуна 91 г. На этом основании Хантсман даже ставит вопрос – действительно ли усыновителем Друза Клавдиана (отца Ливии) был Марк Ливий Друз, трибун 91 г.?⁹⁶ Выше было показано, что традиционное представление о происхождении Ливии выглядит более правдоподобным, чем предложенная Хантсманом альтернативная версия, создающая слишком много сложностей. В таком случае молчание всех античных авторов о родстве Ливии с трибуном 91 г. может объясняться тем, что, с их точки зрения, это родство не имело большого значения. Правда, Светоний (Tib. 3. 2), рассказывая о происхождении Тиберия, характеризует в целом знатные роды Клавдиев и Ливиев и, в числе их выдающихся представителей, называет плебейского трибуна 91 г. Однако он не указывает прямо, что император Тиберий приходился тому правнуком, и дает ему расплывчатую и не слишком лестную характеристику, не отмечая особой привязанности к нему италийцев и даже не конкретизируя сути его предложений⁹⁷. Что же касается распространенных в императорской семье когноменов «Друз» и «Друзилла», то они, скорее всего, указывают на родство не с плебейским трибуном 91 г., а с самой Ливией, которое в эпоху раннего принципата имело куда большее политическое и династическое значение.

Попытаемся установить, какую роль могла играть память о Ливии Друзе в эпоху гражданских войн после смерти Цезаря.

Ливий Друз действительно пообещал италийцам добиться предоставления им римского гражданства, а те, в свою очередь принесли присягу на верность Друзу; эта клятва, впрочем, включала только Друза, но не его потомков (Diod. XXXVII. 11). Однако выполнить обещание Друзу не удалось: разработанный им законопроект так и не был принят, а самого его убили политические противники⁹⁸. Вполне можно допустить, что после смерти Друза италийцы действительно хранили добрую память о трибуне, который пал жертвой убийства, отстаивая их интересы. Веллей даже называет убийство Друза в качестве причины Союзнической войны (Vell. II. 15. 1), однако следует помнить, что италийцы подняли оружие не только (и, пожалуй, не столько) потому, что желали отомстить за Друза, сколько потому, что с его смертью потеряли всякие надежды на получение гражданства мирным путем (Liv. Per. 71; Flor. II. 5. 9; 6. 3)⁹⁹. Таким образом, италийцы могли быть признательны Ливию Друзу за благие намерения – но не за какие-либо осязаемые благодеяния, поскольку ему так и не удалось ничего добиться.

За полвека, прошедшие между трибуналом Друза и браком Октавиана и Ливии, в римской политике было несколько фигур, которые, пожалуй, с бóльшим (или, по крайней мере, не меньшим) правом могли рассчитывать на признательность

⁹⁴ Parfyonov 1987, 95; Parfyonov 1993, 178, Barreth 2002, 7, 22.

⁹⁵ Barreth 2002, 22.

⁹⁶ Huntsman 1997, 20–21; 2009, 129, nt. 30.

⁹⁷ quem in simili dissensione multa varie molientem diversa factio per fraudem interemit.

⁹⁸ Источники см. Broughton 1951, 2, 21–22.

⁹⁹ Ливий даже сообщает о том, что определенное разочарование действиями Друза возникло у италиков еще при его жизни.

италийцев, чем Ливий Друз. Это Л. Юлий Цезарь, консул 90 г., который провел закон о предоставлении гражданства латинам и италийцам, сохранившим верность Риму после начала Союзнической войны (Cic. Balb. 21; Gell. IV. 4. 3). Это плебейские трибуны 89 г. Г. Папирий Карбон и М. Плавтий Сильван, по закону которых гражданство предоставлялось всем союзникам, проживавшим в Италии и заявившим перед претором о своем желании получить его (Cic. Arch. 7). Это Гн. Папирий Карбон, в консульство которого, видимо, был принят закон о распределении италийцев по всем трибам (Liv. Per. 84). Это цензоры 70 г. Гн. Лентул Клодиан и Л. Геллий Попликола, которые реализовали этот закон на практике, т.е. провели перепись новых граждан и зарегистрировали их в трибах¹⁰⁰. Это, наконец, Г. Юлий Цезарь, который ввел в римский сенат и политическую элиту множество представителей италийской аристократии¹⁰¹ — и его наследником являлся сам Октавиан, в «партии» которого в 44–39 гг. (как и позднее) важнейшую роль играли выходцы из италийских муниципиев¹⁰². Представляется, что на фоне заслуг перечисленных выше деятелей память о Ливии Друзе должна была несколько померкнуть.

Наконец, 50 с лишним лет, прошедшие между трибуналом Ливия Друза и браком Октавиана с Ливией, были полны кровопролитных войн и серьезных потрясений, которые тоже вполне могли обесценить заслуги Друза перед италийцами. Потери в Союзнической войне Веллей Патеркул (II. 15. 2) оценивает в 300 тысяч человек. В ходе гражданской войны между сулланцами и марианцами не только погибли десятки тысяч человек (Flor. II. 9. 24–25), но некоторые области Италии были совершенно опустошены, а в другие выведены колонии ветеранов (Strabo. V. 4. 11; App. BC. I. 96; Flor. II. 9. 27–28). Гражданская война Цезаря и Помпея также привела к значительному сокращению численности населения Италии (Dio Cass. XLIII. 52. 2)¹⁰³. Как в свое консульство, так и во время диктатуры Цезарь проводил масштабные программы наделения земель и выведения колоний в Италии и за ее пределами, что тоже должно было существенно повлиять на состав населения Италии¹⁰⁴. Наконец, после убийства Цезаря последовали новые гражданские войны — Мутинская, Филиппийская и Перузинская, две из которых происходили на италийской земле, — а также повсеместные земельные конфискации и выселения, затронувшие все области Апеннинского полуострова¹⁰⁵. Столь масштабные перемещения людей привели к разрушению местной культуры, исчезновению италийских языков и традиций и культурной гомогенизации и унификации всей Италии¹⁰⁶. Поэтому крайне сложно оценить, какую долю жителей Италии в 39 г. составляли потомки союзников, потребовавших в 91 г. римского гражданства, какой политический и экономический вес они имели в государстве и какое значение для них имела память о трибуне М. Ливии Друзе.

При этом, насколько мне известно, в источниках не содержится прямых упоминаний о какой-то особой преданности италийцев самой Ливии, или ее отцу Друзу

¹⁰⁰ Taylor 1971, 52.

¹⁰¹ Syme 1938, 18–22; 29–31; 1939, 78–96.

¹⁰² Syme 1939, 235–237; 244.

¹⁰³ Впрочем, знаменитое сообщение Плутарха (*Caes.* 55.5) о снижении численности граждан с 320 до 150 тыс., относится, по-видимому, к числу получателей бесплатного зерна (ср. Suet. *Iul.* 41. 3): Pelling 2011, 414.

¹⁰⁴ См. Yavetz 1983, 137–150, с библиографией.

¹⁰⁵ Brunt 1971, 326–332; Osgood 2006, 108–144.

¹⁰⁶ Crawford 1996, 430–433; Osgood 2006, 173–182.

Клавдиану, или ее приемному брату Друзу Либону¹⁰⁷. Клятва на верность Октавиану, которую в 32 г. принесла вся Италия (RGDA. 25), в принципе может рассматриваться как аналог той клятвы, которую италийцы в 91 г. дали Ливию Друзу¹⁰⁸. Однако клятва 32 г. имела один или даже два гораздо более близких по времени прецедента, которые Октавиан должен был знать по собственному опыту: это присяга, которую сенаторы, всадники и представители народа принесли Антонию в Тибуре в ноябре 44 г. (App. BC. III. 46) и, возможно, клятва сената или всего народа защищать благополучие Цезаря, принесенная незадолго до его убийства (Suet. Iul. 84. 2; 86. 1; App. BC. II. 124; 144–145)¹⁰⁹. Таким образом, гипотезу о том, что брак с Ливией принес Октавиану лояльность италийцев, сохранивших добрую память о ее деде Ливии Друзе, трудно признать обоснованной: она не подтверждается источниками прямо, а общие соображения в ее пользу недостаточно убедительны.

То же самое можно сказать и о других выгодах, которые Октавиан будто бы получил от брака с Ливией в краткосрочной перспективе. У нас нет оснований полагать, что эта женитьба сблизила его с республиканским нобилитетом. Ливия не имела взрослых и влиятельных родственников, поддержка которых могла бы представлять для Октавиана политическую или военную ценность. Единственное исключение составлял ее троюродный дядя Аппий Клавдий Пульхр (консул 38 г.), однако скудные сведения о его судьбе в конце 40-х – 30-х годах не позволяют определить, когда именно и почему он начал оказывать поддержку Октавиану. В первые годы после брака Октавиана с Ливией аристократы в его окружении по-прежнему очень немногочисленны; некоторые из них поддерживали младшего Цезаря и ранее, другие же, возможно, оставались лояльны Антонию, который в эти годы находился с ним в союзе. Скандальные обстоятельства этого брака скорее могли оттолкнуть, нежели привлечь республиканскую аристократию – и прежде всего этот брак должен был оттолкнуть Скрибония Либона и Секста Помпея, родственников предыдущей супруги Октавиана. Конечно, и Секст, и Октавиан имели основания для недовольства Мизенским миром, и этому соглашению в любом случае вряд ли суждена была долгая жизнь. Однако столь быстрая эскалация конфликта вряд ли отвечала интересам Октавиана и привела его к тяжелому поражению в 38 г.

Рассматривая брак Октавиана с Ливией, П. Саузерн пишет: «Нельзя отрицать, что этот брак был исключительно выгоден Октавиану, так что он, вероятно, вступил бы в него даже без тени привязанности. Ливия нравилась ему, и это определенно был бонус, но главным соображением являлось то, что Ливия имела хорошие связи и с ее помощью Октавиан начал привлекать к своему делу выдающихся людей»¹¹⁰. П. Вальман занимает куда более скептическую позицию и утверждает: «В этой

¹⁰⁷ Т. Уайзмен считает, что статуи родителей Ливии, Друза Клавдиана и Альфидии, установленные в марсийском Маррувии (ILS. 124, 125), могут указывать на то, что последняя происходила из этого города, т. е. выбирая жену из марсов, Клавдиан продолжал политику своего приемного отца: Wiseman 1965, 334. Однако сам автор признаёт, что другие Альфидии в Маррувии не засвидетельствованы, а аналогичные статуи стояли также на Самосе и в Испании. Поэтому вряд ли их наличие является доводом в пользу маррувийского происхождения Альфидии. Даже если гипотеза Уайзмана справедлива, эти статуи всё же не свидетельствуют о какой-то особой памяти италийцев о Ливии Друзе: в посвященных надписях он не упоминается, в отличие от Ливии Августы.

¹⁰⁸ Osgood 2006, 358, nt. 30.

¹⁰⁹ Об этой проблеме см. Taylor 1971, 174–175; Weinstock 1971, 223–227, с библиографией.

¹¹⁰ Southern 1998, 75.

женитьбе, пожалуй, можно видеть только брак по любви, без тактических задних мыслей, который лишь позднее повлек за собой политические последствия»¹¹¹. Представляется, что вышеприведенный анализ позволяет сформулировать этот вывод еще резче: женитьба Октавиана на Ливии была браком по любви, заключенным невзирая ни на какие политические последствия, которые в краткосрочной перспективе были для Октавиана только негативными.

Литература/References

- Barreth, A. 2002: *Livia. First Lady of Imperial Rome*. New Haven–London
- Blumenthal, F. 1913–1914: Die Autobiographie des Augustus. *Wiener Studien* 35, 113–130, 267–288; 36, 48–103
- Broughton, T.R.S. 1951: *The Magistrates of the Roman Republic*. New York
- Brunt, P.A. 1971: *Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14*. Oxford
- Carcopino, J. 1958: *Passion et politique chez les Césars*. Paris
- Carter, J.M. 1970: *The Battle of Actium: the Rise and Triumph of Augustus Caesar*. New York
- Carter, J.M. 1982: *Suetonius: Divus Augustus*. Bristol
- Crawford, M. 1996: Italy and Rome from Sulla to Augustus. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. X. Cambridge, 414–433
- Drumann, W. 1964: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen*. 2. Aufl. P. Groebe (Hrsg.). Bd. 2. Hildesheim
- Flory, M. 1988: Abducta Neroni uxor: The Historiographical Tradition on the Marriage of Octavian and Livia. *Transactions of the American Philological Association* 118, 343–359
- Fitzler, K., Seeck, O. 1918: Iulius (132). In: *RE*. Hlbd. 19, 275–381
- Goldsworthy, A. 2014: *Augustus. First Emperor of Rome*. New Haven–London
- Gowing, A.M. 1992: *The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio*. Ann Arbor
- Hadas, M. 1930: *Sextus Pompey*. New York
- Hillard, T.W. 1973: The Sisters of Clodius Again. *Latomus* 32, 505–514
- Hinard, F. 1985: *Les proscriptions de la Rome républicaine*. Rome
- Holmes, T.R. 1928: *The Architect of the Roman Empire. 44–27 B.C.* Oxford
- Huntsman, E.D. 1997: *The Family and Property of Livia Drusilla*. PhD Diss. University of Pennsylvania
- Huntsman, E.D. 2009: Livia before Octavian. *Ancient Society* 39, 161–169
- Kienast, D. 2009: *Augustus. Princeps und Monarch*. Darmstadt
- Kunst, Ch. 2008: *Livia: Macht und Intrigen am Hof des Augustus*. Stuttgart
- Levi, M.A. 1933: *Ottaviano capoparte. Storia politica di Roma durante le ultime lotte de supremazia*. Firenze
- Levick, B. 1999: *Tiberius the Politician*. London–New York
- Lindsay, H. 2009: *Adoption in the Roman World*. Cambridge
- Münzer, F. 1899a: Claudius. In: *RE*. Bd. 3, 2662–2667
- Münzer, F. 1899b: Claudius (14, 15, 298, 299). In: *RE*. Bd. III, 2668, 2853–2855
- Münzer, F. 1913: Hiero (19). In: *RE*. Hlbd. 16, 1515
- Münzer, F. 1920: Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart
- Münzer, F. 1926: Livius (19). In: *RE*. Hlbd. 25, 881–884
- Ollendorf, L. 1926: Livia (37). In: *RE*. Hlbd. 25, 900–924
- Osgood, J. 2006: *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire*. Cambridge
- Parfyonov, V.N. 1987: *Rim ot Tsezarya do Avgusta. Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii [Rome from Caesar to Augustus. Essays on the Socio-Political History]*. Saratov
- Парфенов, В.Н. *Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории*. Саратов
- Parfyonov, V.N. 1993: «Zlaya machekha doma tsezarey» (istoricheskiy ocherk) [“Evil Stepmother for the House of the Caesars” (A Historical Essay)]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]* 9, 176–189
- Парфенов, В.Н. «Злая мачеха дома цезарей» (исторический очерк). *Античный мир и археология*. 9, 176–189

¹¹¹ Walmann 1989, 203, Anm. 93.

- Pelling, Ch. 1996: The Triumviral Period. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. X, 1–69
- Pelling, Ch. 2011: *Plutarch Caesar*. Oxford
- Reynolds, J. 1982: *Aphrodisias and Rome*. London
- Scheid, J. 1975: Scribonia Caesaris et les Julio-Claudiens. Problèmes de vocabulaire de parenté. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité* 87, 349–375
- Schweighäuser, J. 1785: *Appiani Alexandrini Romanarum historiarum quae supersunt*. Lipsiae
- Scott, K. 1933: The Political Propaganda of 44–30 B.C. *Memoirs of the American Academy in Rome* 11, 7–49
- Shotter, D. 1999: *Augustus Caesar*. London
- Sirago, V.A. 1979: Livia Drusilla. Una nova condizione femminile. *Invigilata Lucernis. Rivista dell'Istituto di Latino Università di Bari* 1, 171–207
- Southern, P. 1998: *Augustus*. London–New York
- Suetonius Tranquillus, G. 1964: *Zhizn' dvenadtsati tsezarey* [*The Lives of the Twelve Caesars*]. M.L. Gasparov, E. M. Shtaerman (eds). Moscow
- Светоний Транквилл, Г. 1964: *Жизнь двенадцати цезарей*. Изд. подг. М.Л. Гаспаров и Е.М. Штаерман. М.
- Sumner, G.V. 1974: *The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology*. Toronto
- Syme, R. 1938: Caesar, the Senate and Italy. *The Papers of British School in Rome* 14, 1–31
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford
- Syme, R. 1958: *Tacitus*. Oxford
- Syme, R. 1986: *The Augustan Aristocracy*. Oxford
- Tariverdieva, S.E. 2012: Prichiny i itogi illiriyskikh kampaniy Oktaviana [Motives and Results of Octavian's Illyrian Campaigns]. *Studia historica*. Issue XII, 148–158
- Таривердиева, С.Э. Причины и итоги иллирийских кампаний Октавиана. *Studia historica*. Вып. XII, 148–158
- Tatum, J. 1999: *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher*. Chapel Hill–London
- Taylor, L. R. 1971: *Party Politics in the Age of Caesar*. Berkeley–Los Angeles–London
- Tokarev, A.N. 2011: *Stanovlenie ofitsial'noy ideologii printsipata imperatora Avgusta* [*Making of the Official Ideology of the Emperor Augustus' Principate*]. Kharkiv
- Токарев, А.Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков
- Utchenko, S.L. 1969: *Drevniy Rim. Sobytiya. Lyudi. Idei* [*Ancient Rome. Events. Persons. Ideas*]. Moscow
- Утченко, С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.
- Wallmann, P. 1989: *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat*. Frankfurt am Main–Bern
- Weinrib, E. 1968: The Family Connections of M. Livius Drusus Libo. *Harvard Studies in Classical Philology* 72, 247–278
- Weinstock, S. 1971: *Divus Julius*. Oxford
- Wiseman, T. P. 1965: The Mother of Livia Augusta. *Historia* 14, 333–334
- Wiseman, T. P. 1970: Pulcher Claudius. *Harvard Studies in Classical Philology* 74, 207–221
- Yavetz, Z. 1983: *Julius Caesar and His Public Image*. Engl. transl. Ithaca–New York